БИБЛІОТЕЧКА ЖУРНАЛА „ИГРУШЕЧКА“.

ТОМЪ XVII.

ВЪ ГОРАХЪ.

Съ 12 рис. на отдѣльныхъ стран.
и въ текстѣ.

СОСТАВИЛЪ
Ю. Н. ВАГНЕРЪ.

Изданіе журнала „Игрушечка“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1900.

Дозволено ценз. СПБ., 20 января 1909 г.

Типогр. Минист. Путей Сообщ.
(Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К°),
Фонтанка, 117

ГЛАВА I.

Какъ растутъ горы.

Съ первыми теплыми лучами весенняго солнца, какъ только снѣгъ начинаетъ замѣтно таять, и хмурыя сѣрыя тучи, разорванныя вѣтромъ, торопливо убѣгаютъ въ невѣдомую даль, раскрывая куполъ синяго неба, — тамъ далеко на югѣ въ

высокихъ горахъ просыпается совершенно особенная жизнь.

Вся южная Европа изрыта горами, и самыя высокія изъ нихъ называются Альпами. Альпы—громаднымъ полукольцомъ, болѣе чѣмъ въ тысячу верстъ длиною и до двухсотъ верстъ шириною, опоясываютъ съ сѣвера Италію, наполняютъ собою всю Швейцарію и отдаютъ отъ себя безчисленные отроги изъ болѣе низкихъ

горъ въ южную Францію, Германію и Австрію. Однимъ концомъ онѣ переходятъ въ горы Испаніи и Португаліи, другимъ въ горы Балканскаго полуострова. Такимъ образомъ, можно сказать, онѣ занимаютъ какъ разъ среднее мѣсто между другими европейскими горами.

Этотъ горный міръ, этотъ хаосъ нагроможденныхъ одна на другую каменныхъ громадъ, сравнительно съ которыми че-

ловѣкъ кажется самою мелкою мошкой, оказываетъ на жизнь людей глубокое вліяніе.

Среди Альпъ высятся громадныя горы Сенъ-Готтарда. Отсюда какъ лучи звѣзды, отходятъ въ разныя стороны горные кряжи, отсюда же берутъ свое начало и крупныя европейскія рѣки: Рейнъ, Тессина, Рона, Ааръ и Рейсса. Онѣ сбѣгаютъ со склоновъ С.-Готтарда на сѣверъ и на югъ, на во-

стокъ и на западъ. Онѣ проложили себѣ въ Альпахъ глубокія лощины. Въ нихъ впадаетъ съ окрестныхъ горъ множество болѣе мелкихъ рѣкъ, и вода ихъ поитъ собою почти всѣхъ жителей Швейцаріи. Не мудрено поэтому, что С.-Готтардъ считался прежде самою высокою горою Альпъ, но потомъ оказалось, что еще выше С.-Готтарда поднимается другая гора, находящаяся верстъ на

двѣсти къ юго-западу отъ него и названная Монбланомъ. Отъ Монблана также расходятся въ разныя стороны болѣе низкія горныя цѣпи, и вообще всѣ Альпы состоятъ изъ отдѣльныхъ горныхъ группъ и расходящихся отъ нихъ отроговъ.

Однако, если посмотрѣть на Альпы съ вершины какой нибудь изъ этихъ высокихъ горъ, то такой особенности Альпъ совсѣмъ незамѣтно. Во-

кругъ себя до самаго горизонта вы увидите тогда безконечное число острыхъ вершинъ, пиковъ, гребней, громадныхъ скалъ, то ярко блестящихъ отъ покрывающаго ихъ бѣлаго снѣга, то тусклыхъ и сѣрыхъ, сложенныхъ изъ голаго камня. Всѣ эти горы, уходящія въ облака, и скалы, опоясанныя ниже, темнѣющею издали, зеленью лѣсовъ и садовъ, нагромождены, кажется, другъ на друга безъ вся-

каго порядка, точно льдины на только что застывшей рѣкѣ.

Точно также, если вы посмотрите на обыкновенную карту Швейцаріи, въ которой столпились самыя высокія изъ Альпійскихъ горъ, то сразу вы не замѣтите въ расположеніи ихъ никакого порядка. Вамъ покажется, что безчисленные отдѣльные гребни горъ, между которыми тамъ и сямъ выдаются болѣе высокіе

пики или горныя вершины, избороздили всю страну по всѣмъ направленіямъ. Вамъ покажется, что долины или промежутки между горными гребнями, по которымъ стремятся рѣки, извиваются во всѣ стороны. Видъ этой горной страны напомнитъ вамъ сморщенную кожу засыхающаго яблока.

И дѣйствительно, большая часть горъ есть ни что иное, какъ простыя

морщины на поверхности земли. Нашу землю можно сравнить съ апельсиномъ. Какъ апельсинъ покрытъ кожурою, такъ и земля покрыта со всѣхъ сторонъ твердою каменною корою. Хотя эта кора имѣетъ десятки верстъ въ толщину, но по сравненію съ величиною всей земли она не толще, чѣмъ кожура самаго тонкокораго апельсина. Что находится внутри земли подъ ея корою, — того никто не

знаетъ. Но мы знаемъ, что эта внутренняя часть земли понемногу какъ бы съеживается. Представьте себѣ, что сочное мясо тонкокораго апельсина будетъ высыхать, тогда весь апельсинъ будетъ уменьшаться, но твердая кожура его не можетъ такъ сокращаться, какъ мясо, и поэтому при высыханіи апельсина на ней очень скоро появятся морщины. То же происходитъ и съ твердою корою земли. Эта

кора тоже собирается въ морщины, на ней образуются складки, какъ на смятой скатерти, покрывающей столъ. Эти складки и морщины земной коры мы называемъ горами.

Но дѣло еще не кончается на этомъ. Кора земли—твердая и не можетъ такъ легко морщиться, какъ кожура апельсина. Поэтому то тамъ, то здѣсь ея морщины ломаются, тре-

скаются, и тогда изъ такихъ трещинъ выступаетъ на свѣтъ Божій болѣе внутренняя часть земной коры. Она состоитъ изъ твердаго камня, наружная же часть сложена изъ слоевъ или, какъ ихъ называютъ, пластовъ, осѣвшихъ изъ воды и нанесенныхъ водою. Въ самомъ дѣлѣ, поверхность земли вся покрыта такими наносами. Они пластами лежатъ одинъ на другомъ. По краямъ высокихъ об-

рывовъ часто очень хорошо видны эти пласты, состоящіе изъ глины, песковъ, песчаника, известняка, мѣла и т. д. Ихъ нанесла вода, падающая на землю и текущая по землѣ. Все, что вода въ одномъ мѣстѣ размываетъ, она сноситъ и откладываетъ въ другихъ мѣстахъ. Такъ образуются наносы. Наносы постоянно растутъ, потому что вода размываетъ не только мягкую землю, но и лежа-

щій болѣе глубоко твердый камень.

Когда выростаютъ горы, то вмѣстѣ съ ними поднимаются кверху и наносы. Они сгибаются въ громадныя складки, какъ листы въ измятой пачкѣ бумагѣ. Они разрываются,— то тамъ, то сямъ въ нихъ появляются глубокія трещины, которыя для насъ кажутся нерѣдко настоящими пропастями. Часто бока складки бываютъ такъ круты, что пласты

земли не могутъ удержаться на нихъ. Они переворачиваются и валятся въ стороны. Въ такихъ случаяхъ эти пласты перепутываются въ удивительномъ безпорядкѣ. Тысячи водяныхъ потоковъ, которые стремятся по крутымъ склонамъ горъ, размываютъ ихъ, сносятъ почву со склоновъ въ долины и еще больше нарушаютъ прежній порядокъ въ старыхъ пластахъ земной коры. Они строятъ

изъ нихъ новые наносы. Но и эти новые наносы продолжаютъ подниматься и изгибаться складками. Они снова ломаются въ куски и перемѣшиваются со старыми.

Чѣмъ дольше идетъ поднятіе горъ, тѣмъ болѣе и болѣе исчезаетъ прежній порядокъ въ положеніи старыхъ пластовъ. Вотъ почему здѣсь такъ трудно бываетъ найти этотъ порядокъ, узнать, какъ лежали пла-

сты еще въ то время, когда горы только что начали подниматься. А между тѣмъ нельзя узнать, когда появились и какъ росли горы, если не знать, какъ лежали раньше земные пласты, если не знать, какой изъ нихъ лежалъ выше и какой ниже.

Эти пласты можно сравнить со страницами книги, на которыхъ написана исторія земли. Въ каждой книгѣ страницы

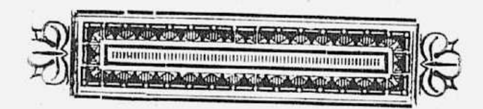
идутъ одна за другой въ строгомъ порядкѣ. За первою страницею слѣдуетъ вторая, затѣмъ третья, четвертая и т. д. Представьте себѣ, что кто нибудь перепутаетъ эти страницы, да не только перепутаетъ, но порветъ на куски и при томъ такъ неосторожно, что многіе куски растеряетъ. Представьте, что вамъ предложатъ прочесть такую книгу. Конечно, это будетъ не легкій трудъ.

Такъ и пласты земли въ горахъ: они перепутаны, разломаны на куски, и многіе куски размыты водой и уничтожены. И вотъ теперь, чтобы прочесть по нимъ исторію какихъ нибудь горъ, надо разобраться во всей этой путаницѣ. Однако, люди, старавшіеся познакомиться съ жизнью горъ, не падали духомъ. Многіе годы шла ихъ работа, и во многихъ случаяхъ она увѣнчалась успѣхомъ,

такъ и въ Альпахъ. Мы по пластамъ земли, несмотря на весь безпорядокъ ихъ, знаемъ теперь, когда появились на землѣ Альпы, и какъ онѣ росли.

Я думаю, вы хорошо поймете меня, если я вамъ разскажу о томъ, какъ по пластамъ земли читаютъ исторію горъ.

ГЛАВА II.

Горныя породы.

Матеріалы, изъ которыхъ состоятъ пласты земной коры, называются „горными породами". Такимъ образомъ, песокъ есть горная порода, известнякъ и мраморъ тоже горныя породы; точно также каменный уголь, глина, камень, образующій твердыя горы, — все это горныя породы. Горныя породы могутъ быть очень различны, и перечислять ихъ будетъ, пожалуй, скучно, но, присматриваясь къ нимъ, легко можно всѣ ихъ раздѣлить на два сорта: однѣ изъ нихъ всегда лежатъ слоями, а другія никогда не образуютъ слоевъ. Напримѣръ, глина или песокъ всегда образуютъ слои, а гранитъ—нѣтъ. Отчего же

происходитъ такая разница? Когда люди обратили вниманіе на то, какъ горныя породы образуются, то дѣло объяснилось очень просто. Оказалось, что первыя горныя породы осѣли изъ воды, и ихъ назвали поэтому „осадочными“ породами въ отличіе отъ второго сорта породъ, которыя назвали „сплошными“ (или „массивными“).

Въ самомъ дѣлѣ, если вы насыпите въ глубокій

большой стаканъ съ водою песку и мелкаго порошка мѣлу, затѣмъ сильно взболтаете эту воду и дадите ей потомъ совершенно спокойно отстояться, то вы увидите, что на днѣ стакана осядутъ два слоя: нижній слой изъ болѣе тяжелаго песка, верхній изъ болѣе легкаго мѣла. Если бы у васъ въ стаканѣ была, кромѣ того, и глина, то изъ нея произошелъ бы еще третій слой. Значитъ, двига-

ющаяся вода раздѣлила песокъ и мѣлъ. Когда тяжелый песокъ уже осѣлъ, легкій мѣлъ еще носился водою, пока вода не успокоилась еще болѣе. Тогда и онъ осѣлъ въ видѣ верхняго слоя. Вы скажете, что вода, двигающаяся или текущая быстрѣе, можетъ поднять и захватить съ собою и песокъ и мѣлъ, а та, которая двигается медленнѣе,—только мѣлъ. То же самое происходитъ и въ

природѣ: осадочныя породы, можно сказать, образуются у насъ на глазахъ. Всякій ручей, который бѣжитъ по склону горы, размываетъ гору, и все, что онъ вымываетъ съ горы, онъ несетъ въ рѣку или куда нибудь въ озеро вмѣстѣ съ своею водою.

Во время дождей въ горахъ ручьи переполняются водою и становятся грозными горными потоками. Эти потоки съ

шумомъ катятся по склонамъ горъ и смываютъ все, что задерживаетъ ихъ на пути. Вода несетъ тогда не только грязь или песокъ, но даже большіе камни и цѣлыя скалы. Она вырываетъ деревья съ корнями и разбиваетъ ихъ толстые стволы въ щепки. Много бѣдствій такіе потоки причиняютъ людямъ, живущимъ въ горахъ. Бѣда въ томъ, что ручьи въ горахъ разливаются очень

быстро. Гдѣ нибудь—выше по склону горы—пройдетъ проливной дождь, котораго даже могутъ не замѣтить внизу, въ долинѣ живущіе въ ней жители, и вдругъ маленькій ручеекъ, спускавшійся къ хижинамъ, переполняется водою и становится грознымъ потокомъ.

Иногда незадолго передъ тѣмъ можно услышать шумъ приближающейся воды, который какъ бы предупреждаетъ

объ опасности. Тогда всѣ, кто можетъ, спѣшатъ изъ хижинъ съ баграми, шестами и заступами на борьбу съ водою. Вода налетаетъ сверху сразу, какъ вихрь. Грохотъ камней, летящихъ вмѣстѣ съ водою, трескъ ломающихся деревьевъ, ревъ воды и крики людей—смѣшиваются тогда въ одинъ ужасный гулъ. Люди стараются раздѣлить потокъ на мелкіе ручьи, и часто отъ этого зависитъ все

ихъ спасенье. Если большой потокъ ворвется въ деревню, то уже ничто не можетъ остановить разрушенія, ничто не можетъ устоять противъ него. Въ одну минуту онъ сноситъ не только людей и скотъ, но цѣлыя хижины. Веселыя лужайки, на которыхъ только что паслось стадо, или зеленѣлъ хлѣбъ, заносятся иногда такимъ потокомъ въ нѣсколько часовъ слоемъ камней, песка и

грязи болѣе чѣмъ въ сажень толщиною.

Наводненія въ горахъ случаются очень часто, но далеко не всегда они происходятъ отъ дождей. Часто горная рѣчка или ручей просто засариваются гдѣ нибудь вверху, выше деревни. Случается, напримѣръ, что съ сосѣдней горы скатится груда камней, и эти камни запрудятъ рѣчку. Тогда вода выше запруды начинаетъ быстро подниматься.

Нѣкоторое время она задерживается обваломъ, но прибывающая сверху вода въ концѣ концовъ беретъ верхъ. Она разрушаетъ запруду и тогда сразу устремляется внизъ, въ долину, и происходитъ наводненіе. Для горцевъ нѣтъ ничего ужаснѣе такихъ наводненій.

Однако, какъ ни велики разрушенія, производимыя водою въ горахъ во время наводненій, но главную работу свою во-

*

да дѣлаетъ не во время такихъ наводненій, а медленно и постепенно. Каждая рѣка, какъ бы медленно ни текла она, несетъ съ собою въ озеро или море, въ которое она впадаетъ, мелкую муть. Трудно представить себѣ, какъ много такой мути всѣ рѣки на землѣ каждый годъ сносятъ въ море. Если бы мы могли собрать всю эту муть, то изъ нея мы могли бы сложить цѣлую и даже

не одну гору, а вѣдь рѣки безостановочно текутъ тысячи и десятки тысячъ лѣтъ, и все время также безостановочно, изо дня въ день, изъ года въ годъ продолжается ихъ работа. Только тамъ, гдѣ вода перестаетъ двигаться, останавливается и ея работа, и тогда все, что раньше она несла съ собою, медленно опускается на дно. Такимъ-то образомъ на днѣ моря мало-по-малу скопляется осадокъ, при-

носимый рѣками. Вся глина на землѣ была когда нибудь мутью, которую несли рѣки, а теперь изъ нея состоятъ толстые слои земной коры.

На днѣ морей образуются осадочныя горныя породы еще и другимъ, болѣе удивительнымъ способомъ. Всякій знаетъ, что морская вода не годится для питья. Она имѣетъ горько-соленый вкусъ, потому что въ ней есть соль и разныя дру-

гія вещества, которыя могутъ распускаться въ водѣ. Если чашку съ морскою водою оставить стоять открытою, то вода высохнетъ, но на днѣ чашки останется осадокъ тѣхъ веществъ, которыя раньше въ ней были растворены. Между ними всего больше будетъ обыкновенной соли. Такъ соль и добываютъ во многихъ мѣстахъ изъ морской воды. Кромѣ соли, тамъ будутъ и другія вещества и

между прочимъ немного гипса. Но если морская вода не годится для питья людямъ, то множество другихъ животныхъ и растеній чувствуютъ себя въ морской водѣ превосходно. Вы знаете, что въ моряхъ живутъ многія рыбы; въ моряхъ же живутъ кораллы и губки, множество всевозможныхъ улитокъ, червей, раковъ, множество различныхъ, очень странныхъ на первый взглядъ, животныхъ

и растеній и т. д. Словомъ, въ морской водѣ живетъ гораздо больше разныхъ существъ, чѣмъ въ прѣсной или рѣчной и озерной водѣ. Вотъ эти-то жители моря и трудятся постоянно надъ образованіемъ особаго осадка на днѣ моря, и надо сказать, что ихъ работа нисколько не меньше работы рѣкъ и всякой движущейся воды. Въ чемъ же состоитъ ихъ работа?

Какъ въ нашемъ тѣлѣ, кромѣ мяса, есть еще твердыя части, или кости, такъ и въ тѣлѣ большинства животныхъ можно отличить и мягкія, и твердыя части. Эти твердыя части вообще называютъ „скелетомъ“. Такимъ образомъ, раковину какой нибудь улитки можно назвать ея скелетомъ, покрывающимъ тѣло ея снаружи. Послѣ смерти всякаго животнаго мягкое тѣло его сгниваетъ, но скелетъ его

не сгниваетъ, или, вѣрнѣе сказать, не всякій скелетъ гніетъ и уничтожается послѣ смерти, какъ мягкое тѣло. Напримѣръ, кости звѣрей могутъ тысячи лѣтъ послѣ смерти ихъ пролежать въ землѣ. Правда, онѣ все-таки мало-помалу измѣнятся, станутъ очень хрупкими, будутъ легче размываться водою, но главное вещество, изъ котораго состоятъ онѣ, не сгніетъ. То же самое происходитъ со ске-

летомъ и морскихъ животныхъ. Я теперь не буду говорить вамъ, какія изъ морскихъ животныхъ имѣютъ такой скелетъ, и изъ чего онъ состоитъ; и того, что я уже сказалъ о скелетѣ ихъ, достаточно, чтобы понять, какъ эти животныя могутъ образовать на днѣ моря особаго рода осадокъ. Въ самомъ дѣлѣ, представьте себѣ, что море населено милліонами такихъ живыхъ существъ; представьте себѣ,

что каждую минуту десятки тысячъ ихъ помираютъ, и столько же рождается вновь; представьте, наконецъ, себѣ, что всѣ умирающія морскія животныя не могутъ уже плавать въ водѣ и падаютъ на дно моря. Понятно, что на днѣ моря будетъ тогда мало-по-малу накопляться осадокъ изъ мертвыхъ животныхъ или, лучше сказать, изъ ихъ скелетовъ, потому что мягкое тѣло, какъ вы уже знаете, очень

скоро пропадаетъ. Остаются одни скелеты, которые покрываютъ все дно моря толстымъ слоемъ. Этотъ слой въ спокойныхъ мѣстахъ моря, гдѣ вода его не тревожитъ, растетъ изъ года въ годъ, изъ вѣка въ вѣкъ и можетъ достигнуть толщины въ нѣсколько десятковъ саженъ.

Удивительную картину представляетъ илъ, взятый со дна какого нибудь спокойнаго морскаго за-

лива,—если этотъ илъ разсматривать въ увеличительное стекло. Онъ на половину состоитъ изъ твердыхъ раковинъ или скорлупокъ различныхъ мелкихъ животныхъ. Часто эти раковины имѣютъ видъ изящныхъ рѣшетчатыхъ мячиковъ или колпачковъ, состоящихъ изъ кремня и совершенно прозрачныхъ, какъ стекло. Въ одной щепоткѣ такого ила могутъ быть десятки тысячъ раковинъ, и, тѣмъ не

менѣе, изъ нихъ мало-помалу образуется на днѣ морей толстый слой. На островѣ Барбадосѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ изъ такихъ слоевъ построены цѣлыя скалы. Въ былое время онѣ были покрыты моремъ, но при образованіи горъ выдвинулись изъ морскихъ волнъ и стали частью суши. Въ Альпахъ толстые пласты горъ мѣстами состоятъ изъ крупныхъ известковыхъ раковинъ одного морского

животнаго, — нуммулита; значитъ, и эти пласты образовались когда нибудь на днѣ моря и только потомъ стали частью горъ.

Если вы были въ Севастополѣ, то, вѣроятно, видѣли развалины старыхъ зданій и оградъ. Но, можетъ быть, вы не обратили вниманія на камень, изъ котораго онѣ сложены. Этотъ камень выламываютъ въ горахъ недалеко отъ Севастополя. Колется онъ довольно легко, но онъ

достаточно твердъ, чтобъ изъ него можно было складывать небольшія постройки. Когда я смотрю на него, онъ мнѣ напоминаетъ крутую гречневую кашу, крупинки которой, склеенныя довольно плотно одна съ другою известью,—есть не что иное, какъ обломокъ двухстворчатой морской раковины—сердцевидки. Впрочемъ, между обломками много встрѣчается и цѣлыхъ створокъ. Въ нихъ можно узнать раковины

тѣхъ же самыхъ сердцевидокъ, которыя живутъ и теперь у береговъ Севастополя въ Черномъ морѣ. Дно Чернаго моря мѣстами покрыто толстымъ слоемъ изъ этихъ мертвыхъ раковинъ, и такимъ образомъ, можно сказать, что здѣсь на нашихъ глазахъ образуется на днѣ моря такая же горная порода, какъ и та, изъ которой сложены стѣны старыхъ севастопольскихъ построекъ.

*

Всѣ такіе остатки животныхъ, находимые внутри горныхъ породъ, называютъ „окаменѣлостями". Когда стали сравнивать ихъ между собою, то скоро замѣтили, что часто горныя породы—съ виду совсѣмъ похожія одна на другую—отличаются другъ отъ друга по своимъ окаменѣлостямъ, и что, наоборотъ, въ породахъ, повидимому, различныхъ могутъ попадаться остатки одинаковыхъ животныхъ.

Такимъ образомъ, оказалось возможнымъ слоистыя горныя породы отличать по окаменѣлостямъ. Съ другой стороны, по окаменѣлостямъ скоро убѣдились, что животныя, жившія на землѣ раньше и оставившія послѣ себя въ землѣ эти остатки, часто отличаются отъ животныхъ теперешнихъ, и что чѣмъ древнѣе пласты земли, тѣмъ больше въ нихъ попадается животныхъ, теперь уже не су-

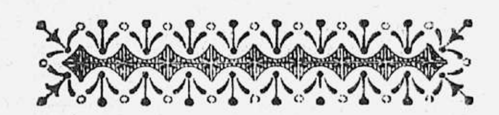
ществующихъ. Такъ, по окаменѣлостямъ можно было сказать, какой пластъ древнѣе и какой моложе. По нимъ и читаютъ исторію земли.

Теперь вы поймете, какъ можно по пластамъ земли опредѣлить, когда начали подниматься какія нибудь горы. Конечно, мы не можемъ сказать, въ которомъ году онѣ появились, и вообще, сколько лѣтъ онѣ существуютъ. Мы можемъ только рѣшить, какія горы

древнѣе и какія моложе. Для этого надо обратить вниманіе на положеніе пластовъ земли, составляющихъ эти горы, и на окаменѣлости въ нихъ. Если какой нибудь пластъ образовался еще до поднятія горъ, то, конечно, онъ не будетъ лежать ровно. Онъ будетъ поднятъ вмѣстѣ съ горами. Если этотъ пластъ лежитъ на вершинахъ горъ, то значитъ горы гораздо моложе его. Они подня-

лись позднѣе. Если же онъ прикрываетъ собою только подошву горъ, то, можетъ быть, горы появились и раньше, но потомъ продолжали подниматься и приподняли его вмѣстѣ съ собою.

ГЛАВА III.

Жизнь горцевъ.

Поднимемся въ одну изъ горныхъ долинъ. Въ горныхъ странахъ большая часть селенiй расположена по склонамъ долинъ. Часто деревенскiе домики покрываютъ собою вершину широкаго холма, съ котораго книзу вьется, спускаясь въ до-

лину, дорога. Со всѣхъ сторонъ эту долину обступили высокія горы съ покрытыми снѣгомъ вершинами. Надъ деревней темнѣетъ лѣсъ, а еще выше высятся сѣрыя или красныя скалы. Всѣ бока ихъ избороздили черныя трещины. Отсюда время отъ времени отрываются и скатываются камни. Они съ шумомъ прыгаютъ и катятся по склону горы, но лѣсъ не пускаетъ ихъ докатиться до долины.

Лѣса по склонамъ горъ служатъ вѣрными стражами для жителей, живущихъ въ долинахъ. Каждую весну и осень въ горахъ бываютъ обвалы, и не будь лѣсовъ, эти обвалы скоро покрыли бы всѣ склоны слоемъ безплодныхъ камней. Такъ и бываетъ въ тѣхъ долинахъ, бока которыхъ слишкомъ круты, чтобы на нихъ могъ разростись лѣсъ, или тамъ, гдѣ сами люди безпечно вырубили его.

Въ тѣхъ долинахъ не бываетъ большихъ деревень, людямъ здѣсь нечѣмъ жить. Только кое-гдѣ по уступамъ склоновъ пріютится развѣ одинокая избушка, сложенная изъ камней. Въ ней навѣрное живетъ какой нибудь бѣднякъ, который не имѣетъ своего хозяйства и большую часть года проводитъ на работѣ у чужихъ людей въ одной изъ сосѣднихъ долинъ.

Не привѣтливы и мертвы дикія долины. Часто цѣ-

Рис. 1. Горный обвалъ.

лый день въ нихъ не услышишь ни одного звука, кромѣ отдаленнаго шума горнаго потока, да, можетъ быть, еще утромъ или вечеромъ—тресканья камня. Камни, не покрытые слоемъ земли, разрываются въ горахъ на куски, благодаря замерзанію воды, забирающейся въ ихъ трещины. Здѣсь происходитъ то же самое, что съ закупоренною бутылкою, наполненною до краевъ водою и выставленною на

морозъ. Такая бутылка лопается, ее разрываетъ замерзающая въ ней вода, которая при этомъ занимаетъ болѣе мѣста, чѣмъ раньше. Для замерзающей воды въ бутылкѣ не хватаетъ мѣста, и она съ такою силою начинаетъ давить на стѣнки бутылки извнутри, что стѣнки не выдерживаютъ и трескаются. То же бываетъ и со скалами.

Въ горахъ гораздо свѣжѣе, чѣмъ внизу, въ до-

линахъ. По гребнямъ высокихъ горъ круглый годъ лежитъ снѣгъ, и тамъ не только зимою, но и лѣтомъ, какъ только скроется солнце, наступаетъ морозъ. Этотъ-то морозъ съ помощью воды крошитъ, можно сказать, на куски твердыя скалы. То, что не можетъ размыть вода одна, то разрушаютъ морозъ и вода общими силами. Вотъ почему весною и осенью, когда особенно много воды спу-

скается по склонамъ горъ, когда часто бываютъ дожди, и густые туманы все покрываютъ слоемъ сырости,—обвалы въ горахъ случаются всего чаще. Впрочемъ, обвалъ въ горахъ происходитъ и отъ многихъ другихъ причинъ. Не рѣдко, когда склоны довольно круты, съ нихъ соскальзываетъ — послѣ дождей—толстый пластъ земли, а вмѣстѣ съ землею и все, что на ней

находилось. Такіе обвалы называются „оползнями“.

Одинъ изъ самыхъ ужасныхъ оползней въ Швейцаріи произошелъ около ста лѣтъ тому назадъ на склонахъ горы Росберга. Здѣсь подъ слоемъ плотной земли лежалъ слой глины, легко размокающей отъ воды. Лѣто того года, особенно осень, были очень дождливы. Вода, проникшая до глины, мало-помалу превратила ее въ жидкую грязь, и вотъ въ одинъ

изъ осеннихъ дней весь слой земли, лежавшій выше,—слой въ 15 саженъ толщиною, въ 4 версты длиною и около четверти версты шириною, — оторвался и соскользнулъ внизъ. Понятно, что такую массу земли ничто уже не могло задержать. Толстыя деревья подъ напоромъ ея сгибались, точно слабыя тростинки, и вырывались съ корнемъ; большія каменныя глыбы разбивались въ куски и сталки-

вались съ такою силою, что отъ нихъ разлетались снопами искры. Съ ужасною быстротой, въ нѣсколько секундъ, съ гуломъ и грохотомъ оползень спустился съ Росберга въ прелестную долину Гольдау и засыпалъ поля этой долины и четыре деревни со всѣми жителями и скотомъ. Глыбами земли было завалено также одно озеро, вода котораго, благодаря этому, ринулась на берега и

смыла съ береговъ всѣ постройки.

Большія деревья, растущія по склонамъ горъ, своими корнями глубоко проникаютъ въ почву и укрѣпляютъ ее. Чѣмъ плотнѣе почва, тѣмъ лучше держится она на склонахъ. Если бы не лѣса, то оползни въ горахъ случались бы гораздо чаще. И здѣсь, значитъ, лѣсъ защищаетъ горнаго жителя отъ несчастья. Вотъ почему во многихъ мѣ-

стахъ надъ своими деревнями горцы не вырубаютъ лѣсовъ. Эти лѣса — „заповѣдныя“. Они защищаютъ жителей отъ обваловъ камней и земли, а нерѣдко и отъ снѣжныхъ обваловъ, которые случаются въ горахъ еще чаще.

Нѣтъ горы, покрытой снѣгомъ, гдѣ бы не бывало снѣжныхъ обваловъ. Большіе снѣжные обвалы, или „лавины“ случаются такъ часто, что, навѣр-

ное, каждому бывавшему въ такихъ горахъ не разъ приходилось ихъ видѣть. Эти обвалы бываютъ одинаково какъ зимою, такъ и лѣтомъ, и не будь лѣсовъ, то жизнь горцевъ высокихъ долинъ подвергалась бы постоянной опасности.

Лѣта въ этихъ долинахъ почти не бываетъ. Здѣшнее лѣто скорѣе похоже на нашу весну. Здѣсь не чувствуется лѣтняго зноя, къ которому

мы такъ привыкли въ нашихъ равнинахъ. Съ горныхъ вершинъ, обступившихъ со всѣхъ сторонъ долину, каждый день вѣетъ прохладою. Солнце заглядываетъ сюда поздно и рано скрывается за горами.

Жизнь горцевъ полна приключеній и разныхъ случайностей. Можетъ быть, потому каждый житель горъ и любитъ такъ свои горы. Онъ привыкъ къ этой жизни съ дѣт-

ства и находитъ въ постоянныхъ приключеніяхъ особую прелесть. Поселившись въ равнинѣ, онъ очень скоро начинаетъ тосковать, и его неудержимо тянетъ обратно въ родныя горы дальше отъ скучной и однообразной жизни равнинъ. И это не удивительно, потому что нигдѣ жизнь не бываетъ такъ разнообразна, какъ въ горахъ.

Тотъ, кто провелъ хоть одно лѣто въ горахъ,

всегда вспоминаетъ о нихъ съ удовольствіемъ. Лѣтомъ, можно сказать, не бываетъ дней, которые бы походили одинъ на другой. Каждый день приноситъ съ собою какую нибудь новость, да и сама окружающая природа, сами горы безпрерывно мѣняются. Нѣтъ двухъ горъ одинаковыхъ, видъ каждой горы съ каждымъ часомъ дня измѣняется. Поэтому, смотрѣть на горы и любоваться ими никогда

не надоѣдаетъ. Только зима въ горахъ проходитъ для жителей горъ довольно однообразно и даже скучно, потому что все это долгое время люди въ горахъ бываютъ отрѣзаны отъ всего остального міра. Часто даже всѣ пути, ведущіе въ какую нибудь горную долину, зимой прерываются. Глубокій снѣгъ засыпаетъ горные проходы и всѣ тропинки, и люди обречены въ такой долинѣ на полное одино-

чество. Зато тѣмъ пріятнѣе встрѣча первыхъ весеннихъ дней, сулящихъ длинный рядъ новыхъ ощущеній. Здѣсь возвращенію лѣта радуются одинаково и люди, и звѣри, и даже растенія, если только они вообще могутъ радоваться.

Въ глухихъ долинахъ высокихъ Альпъ возвращеніе весны встрѣчаютъ особымъ праздникомъ, во время котораго выпускаютъ изъ хлѣва коровъ

и овецъ, и угоняютъ ихъ на лѣтнія пастбища. Для альпійскихъ горцевъ скотъ такъ же необходимъ, какъ земля для пахаря. Въ этихъ горахъ удобной земли для посѣва хлѣба слишкомъ мало, чтобы его можно было снять, да и самый посѣвъ не надеженъ. Лѣто очень короткое и непостоянное. Часто бываютъ дожди, заносящіе потоками грязи молодые всходы хлѣбовъ, часто случается градъ, а

иногда неожиданно выпадаетъ и снѣгъ. Хоть черезъ день или два этотъ снѣгъ снова таетъ, и снова возвращается тепло, но недозрѣвшій хлѣбъ—ужъ погибъ. Зато въ горахъ прекрасная трава всегда сочная, ароматная. Она даетъ мелкое, душистое и очень сытное сѣно. Коровы и овцы отъ этой травы быстро тучнѣютъ, молоко ихъ становится густымъ и жирнымъ, и изъ него получаютъ много

Рис. 12. Альпійскій косецъ.

масла и превосходный сыръ.

Скотъ даетъ горцу мясо и молоко, творогъ, масло и сыръ; онъ даетъ ему также шерсть для ткани. Онъ его кормитъ и одѣваетъ, а зимой даже грѣетъ, такъ какъ въ высокихъ долинахъ очень часто теплый хлѣвъ отдѣленъ отъ комнаты, въ которой проводитъ зиму вся семья горца вмѣстѣ,— только тонкою перегородкою. Черезъ нее и черезъ

щели тепло изъ хлѣва пробирается и въ самый домъ. Впрочемъ, въ горахъ лѣса почти всегда много, и въ топливѣ жители не нуждаются.

Самыя лучшія пастбища лежатъ очень высоко, гораздо выше, чѣмъ долины, въ которыхъ раскинуты горскія деревушки. Пригонять оттуда скотъ домой каждый день, какъ это дѣлается въ нашихъ селахъ и деревняхъ, — нельзя. И поэтому весь

скотъ угоняется на цѣлое лѣто въ горы. Еще до того пастухи уходятъ въ горы исправить тропинки, по которымъ пойдетъ через нѣсколько дней стадо, расчистить кое-гдѣ обвалившіеся камни, починить шале, т. е. хижины на самомъ пастбищѣ, словомъ, озаботиться, чтобы все было готово къ наступающему празднику.

Но вотъ этотъ день наступилъ... Всѣ коровы,

вычищенныя такъ, что шерсть ихъ, кажется, блеститъ и отливаетъ на солнцѣ, съ ранняго утра собираются на большомъ лугу или площади возлѣ деревни. Всѣ тѣ, кому предстоитъ идти въ горы со стадомъ, наряжаются въ яркія чистыя платья. На рога коровъ навязаны цвѣтныя ленты, а на шеи надѣты широкіе кожаные ошейники съ колокольцами. Стадо выстраивается длинною ко-

лонною, впереди которой стоятъ лучшія коровы, и по сигналу двигается въ путь. Крики пастуховъ, пѣсни провожатыхъ, звонъ колокольчиковъ, мычаніе коровъ, блеяніе овецъ, а иногда и хрюканье свиней сливаются въ одинъ нестройный шумъ, разносящійся далеко по горамъ и заглушающій возгласы всякихъ пожеланій, которыя несутся изъ всѣхъ дворовъ вслѣдъ уходящему стаду.

Не легка лѣтняя жизнь тѣхъ, кто ушелъ со стадомъ. На ихъ долю выпадаетъ тяжелая работа. Они должны вставать еще до восхода солнца, чтобы доить и чистить коровъ. Потомъ они должны сами нарубить въ горахъ и принести въ шале дровъ. Дрова нужны имъ не только, чтобы готовить пищу, но и чтобы согрѣться, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пасется скотъ, по утрамъ

бываетъ очень холодно. Еще больше дровъ нужно, чтобы нагрѣвать въ больших котлахъ молоко, изъ котораго дѣлаютъ сыръ. Большая часть дня уходитъ на послѣднюю работу. Едва они успѣютъ ее окончить, какъ снова надо доить коровъ, а вечеромъ послѣ захода солнца, когда стадо ляжетъ спать, предстоитъ всю посуду, которая употреблялась днемъ для молока, творога, сыра и

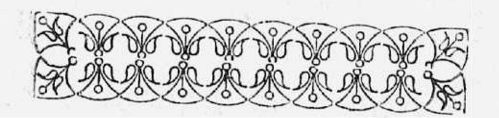
масла, — котлы, подойники, горшки, ведра, кадушки и проч.,—начисто перемыть. Весь вечеръ проходитъ за этимъ мытьемъ, потому что грязную посуду нельзя оставить на ночь. Такъ проходитъ день... Хорошо, если ночь— ясная и тихая, и если пастухи могутъ во время нея отдохнуть. А случается и такъ, что къ вечеру налетитъ туманъ съ вѣтромъ и дождемъ, а то и съ градомъ. Въ двухъ

шагахъ ничего не видно. Тогда нужно всѣхъ коровъ загнать подъ навѣсъ. Иначе онѣ, спасаясь отъ вѣтра, разбредутся по сторонамъ и могутъ оборваться гдѣ нибудь на крутыхъ склонахъ въ пропасть. Дождливые и туманные дни въ горахъ бываютъ часто, и эти дни особенно тяжелы для пастуховъ.

Такъ проводятъ пастухи все лѣто. Изрѣдка кто нибудь изъ нихъ спу-

скается въ деревню за хлѣбомъ. Хлѣбъ и молоко— обыкновенно единственная пища ихъ, пока они живутъ въ шалѣ. Вотъ почему въ Швейцаріи рѣдко сами хозяева коровъ уходятъ со стадомъ въ горы. Обыкновенно для этого нанимаютъ болѣе бѣдныхъ работниковъ.

ГЛАВА IV.

Прогулка по горамъ.

Изъ русскихъ горъ Кавказъ болѣе всего напоминаетъ Швейцарскія Альпы, но Кавказскія горы гораздо суровѣе. На Кавказѣ нѣтъ ни такихъ прелестныхъ долинъ, какъ въ Альпахъ, ни швейцарскихъ большихъ синихъ озеръ. Голубыя озера,

Рис. 3. Кавказскія горы

вдающіяся глубокими бухтами въ обступившія ихъ горы и скалы, обрывающіяся въ эту чудную водяную гладь высокими стѣнами, по которымъ ползутъ сизые клубы тумана, придаютъ мѣстами Альпамъ совсѣмъ сказочный видъ.

Я помню ясное лѣтнее утро и яркое солнце, заливавшее своими лучами гладкую голубую поверхность Фирвальдштетскаго швейцарскаго озера, по

которому бѣжалъ нашъ пароходъ. Обступившія горы, уходившія въ облака, бѣлые домики у ихъ подножія, окруженные изумрудною зеленью садовъ, и фіолетовыя скалы отражались въ озерѣ, какъ въ зеркалѣ. Отраженіе было такъ полно, вода была такъ прозрачна, и голубой цвѣтъ ея былъ такимъ чистымъ, блестящимъ, что порою казалось, что пароходъ бѣжитъ по небу. Нельзя было отличить,

гдѣ начинается причудливый гористый берегъ, и гдѣ кончалось отраженіе. Чѣмъ дальше скользилъ мой взоръ по берегамъ и раскрывавшимся передо мною безъ конца панорамамъ заливовъ и бухтъ, тѣмъ сильнѣе становилось очарованіе.

Тѣмъ же голубымъ цвѣтомъ воды поражаютъ мѣстами и альпійскія рѣки. Въ восточныхъ Альпахъ отдѣльныя высокія горы раздѣлены цѣлою

сѣтью долинъ, по дну которыхъ быстро бѣгутъ мелкія рѣки. Во время дождей онѣ сильно разливаются, но въ сухое время каждая рѣка разбивается на множество мелкихъ ручьевъ, которые то сливаются, то снова разбиваются на отдѣльные ручейки, бороздящіе широкое общее русло. Все это русло покрыто бѣлою блестящею на солнцѣ галькою, и шумящіе по ней ручьи кажутся сверху

тысячью голубыхъ жилъ, извивающихся по долинѣ, какъ змѣи.

Впрочемъ, и на Кавказѣ есть синія озера, но ихъ немного, и въ сравненіи съ альпійскими озерами ихъ можно назвать прудами. Есть на Кавказѣ и голубыя рѣки, но и онѣ также малы и мелки, какъ и озера. Голубой цвѣтъ горной воды зависитъ отъ прозрачности ея и отъ свѣтлаго цвѣта грунта, отъ кото-

раго отражаются лучи свѣта, глубоко проникающіе въ чистую воду. Вода равнинъ никогда не бываетъ такъ прозрачна. Это и понятно, потому что горныя рѣки всегда берутъ свое начало изъ тающаго, самаго чистаго снѣга и льда, покрывающаго вершины горъ. Онѣ берутъ свое начало тамъ, гдѣ никто и ничто не загрязняетъ воду, гдѣ почвою служитъ чистый камень, а источниками

ручейки, вырывающіеся каскадами изъ трещинъ на концѣ сверкающихъ ледниковъ.

Однажды мнѣ пришлось любоваться замѣчательнымъ контрастомъ цвѣта воды въ двухъ рѣчкахъ, сливавшихся вмѣстѣ. Съ сѣверныхъ склоновъ Кавказа, съ горъ Дых-тау спускается книзу рѣка Чурекъ. Въ верховья ея впадаютъ двѣ рѣчки—Аксай и Дыхсу. Дыхсу получила свое названіе отъ имени

горы Дых-тау; Аксай выбѣгаетъ изъ-подо льда большихъ ледниковъ, и вода его прозрачна, какъ горный хрусталь. Дыхсу тоже беретъ свое начало изъ тающихъ снѣговъ и льда, но прежде, чѣмъ соединиться съ Аксаемъ, она пробѣгаетъ по болотистой глинистой отлогой долинѣ, и вода ея отъ массы размытой глины становится совсѣмъ непрозрачною глинисто-желтаго цвѣта. Поэтому,

Аксай и названъ такъ. „Аксай"—можно, пожалуй, перевести по-русски—„бѣлая вода". Дыхсу—можно было бы назвать, такимъ же образомъ, „желтою водой". Вода Аксая издали кажется темно-синею, почти черною. Съ окрестныхъ склоновъ видно, какъ обѣ рѣки сбѣгаются подъ острымъ угломъ вмѣстѣ, но еще долго послѣ того вода ихъ не смѣшивается, какъ будто прозрачный чистый

Аксай не хочетъ принять въ себя мутныя желтыя воды Дыхсу. Вода Чурека на большое пространство окрашена въ два разныхъ цвѣта: у праваго берега—черная вода Аксая, у лѣваго—желтая вода Дыхсу.

Въ эту поѣздку на Кавказъ я въ первый разъ познакомился съ высокими дикими горами. Въ одинъ изъ іюльскихъ дней мы отправились изъ мелкаго селенія въ предгорьяхъ сѣвернаго Кавказа къ снѣ-

говымъ горамъ. Нѣсколько дней шли приготовленія къ пути. Бродить по Кавказу—не то, что по Альпамъ, гдѣ проложены почти всюду прекрасныя дороги, и гдѣ почти на каждомъ шагу можно встрѣтить отличную гостиницу съ теплою постелью и съ здоровою свѣжею пищей. Мы должны были запастись провизіей на нѣсколько дней и теплымъ платьемъ для ночевки въ горахъ подъ от-

крытымъ небомъ. Сушеное мясо, сухари и крупа, посуда, платье и разныя мелочи были сложены въ двѣ большихъ сумы на вьючную лошадь. Впереди лошади шелъ горецъ-проводникъ, а сзади мы сами въ кавказскихъ войлочныхъ шапкахъ съ широкими полями, защищавшими одинаково какъ отъ дождя, такъ и отъ солнца, и съ длинными альпійскими острыми палками въ рукахъ. По ледникамъ

Рис. 4. Въ ледникахъ.

никто не ходитъ безъ этихъ палокъ, а мы направлялись именно къ ледникамъ.

Другою нашею заботою была обувь. Обыкновенные сапоги или башмаки для ледниковъ не годятся. Въ Швейцаріи для этого употрябляютъ ботинки съ очень толстою подошвою, въ которую вбиты гвозди съ острыми головками. На Кавказѣ горцы придумали для этого болѣе дешевую и болѣе простую

обувь: это туфли, сшитыя изъ одного куска сыромятной кожи, у которыхъ подошвою служитъ переплетъ изъ ремней. Въ эти широкія туфли запихивается комокъ сѣна или альпийской мягкой травы, а затѣмъ всовывается босая нога, къ которой туфли привязываются, какъ лапти. Такими туфлями запаслись и мы.

Вскорѣ начались „черныя горы“, покрытыя отличнымъ лѣсомъ. Сто-

лѣтнія буковыя деревья съ свѣтлосѣрою лоснящеюся корою перемѣшались съ грабами, дубами, черными тополями и южною рябиною. Между стволами деревьевъ густо разрослись кусты кизиля, мушмулы и жимолости. Дорога то углублялась въ въ темный лѣсъ, поднималась на холмы; то снова выходила на поляны между ними къ глинистымъ берегамъ мелкой рѣчки, почти скрытой отъ глазъ

колючими зарослями облепихи, уже покрытой ягодами. Облепихой называютъ на сѣверномъ Кавказѣ колючій кустарникъ съ мелкими рѣдкими листьями и длинными побѣгами, которые покрываются лѣтомъ почти сплошнымъ слоемъ желтыхъ ягодокъ на короткихъ стебелькахъ. Облепиха, терепъ, ежевика, шиповникъ, колючая дикая груша и даже грабъ мѣстами разростались такъ

густо, что пробраться сквозь кустарникъ было очень трудно. На каждомъ шагу въ такихъ лощинахъ мы спугивали змѣй, которыя шипя поспѣшно уползали съ дороги въ сосѣдніе кусты. Змѣи и ящерицы водятся на Кавказѣ во множествѣ. Вскорѣ показались и орлы, а по берегамъ рѣчекъ стали попадаться слѣды козъ и кабановъ. Иногда мы натыкались на совершенно свѣжія ямки, которыя ка-

баны вырыли своими рылами, отыскивая въ землѣ личинокъ хрущей и земляныхъ червей.

Къ вечеру мы дошли до начала болѣе высокихъ скалистыхъ горъ. Издали со стороны степи эти горы кажутся невысокими скалами, которыя образуютъ какъ бы каменный карнизъ розовато-сѣраго цвѣта вокругъ еще болѣе высокой цѣпи бѣлыхъ снѣжныхъ горъ. На самомъ дѣлѣ скалистыя горы образуютъ

самую дикую часть Кавказскаго хребта. Это—громадныя обрывистыя горы, стѣны которыхъ мѣстами поднимаются на версту и больше совершенно отвѣсно кверху. Здѣсь на каждомъ шагу попадаются глубокія пропасти и дикія ущелья. Здѣсь рѣки бѣшено бѣгутъ по узкимъ коридорамъ, наполняя ущелья своимъ страшнымъ ревомъ. Мелкія водяныя брызги, какъ густой туманъ, столбомъ стоятъ надъ

рѣкою и закрываютъ отъ взоровъ самую рѣку. Здѣсь дорогами служатъ узкія крутыя тропинки. Съ одной стороны ихъ поднимается высокая стѣна, а съ другой обрывается пропасть съ шумящимъ по дну ея потокомъ. Здѣсь вы почти не встрѣчаете ни ауловъ горцевъ, ни ихъ стадъ. Здѣсь все дико, сурово и мертво. Эти горы производятъ на путника самое сильное и тяжелое впечатлѣніе.

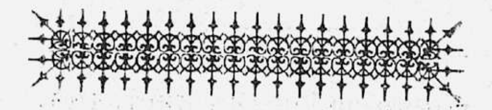
Впрочемъ наша компанія подвигалась впередъ очень весело. Для насъ все было ново, все удивляло насъ, и оживленный разговоръ ни на минуту не прерывался. Передъ входомъ въ ущелье, по которому лежалъ нашъ путь черезъ скалистыя горы, мы ночевали на опушкѣ буковаго лѣса, на берегу горнаго синяго озера. Берега его заросли прекрасными кустами желтой азаліи съ глянцевитыми

Рис. 5. Озеро въ горахъ.

темно-зелеными листьями. Это было первое чисто горное растенiе, которое остановило на себѣ наше вниманiе.

ГЛАВА V.

Растенія и животныя въ горахъ.

Чѣмъ дальше мы поднимались въ горы, тѣмъ больше попадалось растеній, не встрѣчившихся внизу у подножія „черныхъ“ лѣсистыхъ горъ.

При подъемѣ на высокія горы растенія невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе. Далеко

внизу мы оставили за собою стройные пирамидальные тополи, бѣлую акацію, шелковицу и кусты виноградниковъ. Потомъ мы прошли по буковому и дубовому лѣсу. Съ скалистыми горами и эти деревья были оставлены нами за собою. Начали попадаться еще болѣе сѣверныя растенія. Ежевика смѣнилась малиною, вмѣсто южной рябины стала попадаться обыкновенная наша сѣверная рябина,

показалась осина, смѣнившая черный тополь, и береза. Еще немного кверху, и къ чернолѣсью примѣшалось краснолѣсье, хвойныя деревья. Начали встрѣчаться ели и лиственница. Потомъ пошла сосна, сначала высокая и стройная, затѣмъ низкая и чахлая. Удивительную картину представляютъ обрывистыя каменистыя горы, покрытыя такою горною приземистою сосною. Она умудряется расти почти

на голомъ камнѣ и по

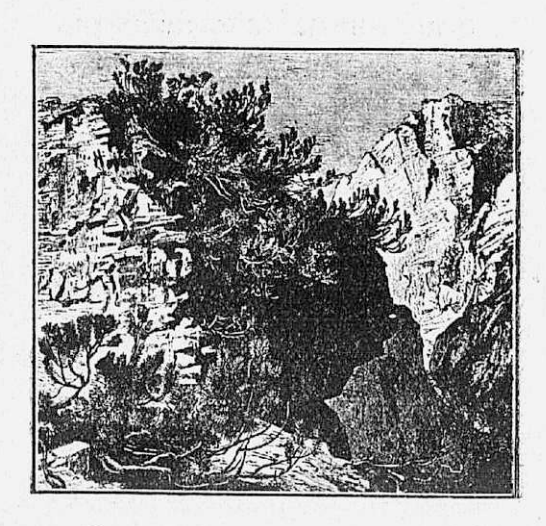

Рис. 6. Малорослая горная сосна.

самымъ крутымъ склонамъ.

Она оплетаетъ камни своими корнями, какъ змѣями, а гибкія вѣтви ея, начинающіяся отъ самаго корня, какъ будто чувствуютъ, что воздухъ ихъ не согрѣетъ, и ищутъ защиты противъ холоднаго буйнаго горнаго вѣтра у земли. Онѣ стелются по землѣ, приподнимая надъ нею прямо вверхъ только кончики своихъ развѣтвленій. Иногда заросли горной сосны покрываютъ высокія горныя площадки, въ

видѣ плотнаго ковра. Гибкія вѣтви отдѣльныхъ деревьевъ густо переплетаются между собою, какъ войлокъ. По такому ковру можно идти, почти не проваливаясь.

Вмѣстѣ съ сѣверными деревьями стали попадаться и сѣверныя ягоды. Прежде всѣхъ началась малина. Южная клубника смѣнилась нашею земляникой, а еще выше, у подножія снѣговыхъ горъ, въ березовомъ и сосновомъ

лѣсу пошла черника, костяника, брусника и даже морошка. Если бы не горы, не наше платье и не нашъ проводникъ кавказецъ, то можно было бы подумать, что мы какимъ-то чудомъ перенеслись на крайній сѣверъ. Уже давно я не видѣлъ и не пробовалъ этихъ сѣверныхъ ягодъ, къ которымъ привыкъ въ своемъ дѣтствѣ. Я съ удовольствіемъ на ходу обрывалъ кустики черники и ощипывалъ ягоды. Онѣ и

этотъ сосновый лѣсъ, ароматный смолистый воздухъ и свѣжесть отъ близости ледниковъ, мягкій коверъ моха, покрывавшаго камни, лишаи и папоротники — все напоминало мнѣ сѣверъ, гдѣ я провелъ столько беззаботныхъ лѣтъ дѣтства.

Проѣзжая по равнинамъ съ юга на сѣверъ, можно видѣть, что ни одно дерево не растетъ одинаково хорошо, какъ на крайнемъ югѣ, такъ и на крайнемъ

сѣверѣ. Каждое дерево можетъ правильно расти только въ опредѣленной полосѣ земли. Къ сѣверу и къ югу отъ нея оно растетъ хуже, а еще дальше и совсѣмъ не можетъ расти. Такимъ образомъ можно сказать, что каждое дерево занимаетъ полосу земли, въ видѣ пояса. Къ сѣверу и къ югу отъ нея оно не растетъ. У каждаго дерева своя полоса, свой поясъ. Такъ и по склонамъ горъ де-

ревья растутъ поясами. Поэтому подъемъ на высокую гору можно сравнить съ путешествіемъ съ юга на сѣверъ. Но разница въ томъ, что на равнинахъ эти пояса растеній несравненно шире, а на горахъ они узки. Поднимаясь въ горы, мы дѣлаемъ въ одинъ день или даже въ нѣсколько часовъ такое же путешествіе, на которое пришлось бы потратить въ равнинѣ нѣсколько дней. Та-

кимъ образомъ, разница между поясами растеній на горахъ гораздо сильнѣе и сама собой бросается въ глаза.

Животныя по склонамъ горъ тоже держатся поясами, но эти пояса не такъ рѣзко отдѣлены одинъ отъ другого, какъ пояса растеній, потому что, вѣдь, животныя не прикрѣплены къ землѣ, какъ растенія, и, смотря по времени года, могутъ то подниматься выше,

то снова спускаться книзу. Много звѣрей и птицъ держится, однако, всегда въ горахъ и никогда не спускается въ долины. Это настоящія горныя животныя, которыя придаютъ горному міру особый характеръ. Представьте себѣ, напримѣръ, каменнаго козла съ громадными загнутыми назадъ рогами, съ крѣпкою шеей и высокими передними ногами, или кавказскихъ туровъ, ко-

Рис. 7. Черный козелъ Муфлонъ.

торые могутъ дѣлать громадные прыжки, перескакивая со скалы на скалу, или бросаться съ обрывовъ внизъ, подогнувши голову, и безъ вреда для себя падать на свои рога. Представьте себѣ стройную серну, которая несется съ быстротою вѣтра по самымъ крутымъ скалистымъ мѣстамъ, словно по ровному полю. Представьте себѣ наконецъ, орловъ, парящихъ въ воздухѣ надъ

горными долинами. Все это—горные жители.

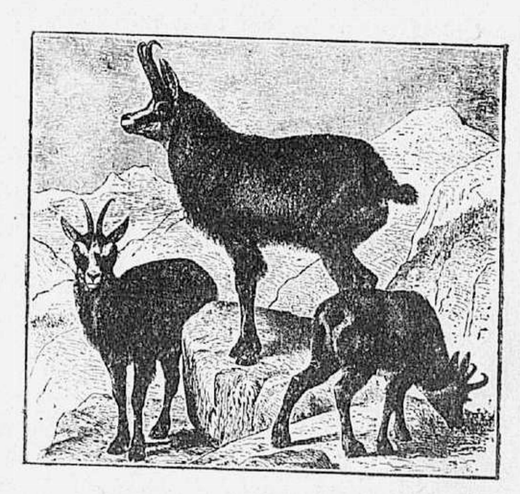

Рис. 8. Серны.

Нѣкоторыя изъ горныхъ птицъ, напримѣръ,

горные стрижи, никогда не садятся на ровную землю. На ровной землѣ они чувствуютъ себя совершенно безпомощными, такъ какъ едва могутъ держаться и переползать съ мѣста на мѣсто на своихъ слабенькихъ ножкахъ. Зато они отлично держаться своими лапами на совершенно отвѣсныхъ скалахъ. Чтобы взлетѣть, они бросаются сначала со скалъ книзу и уже въ воздухѣ рас-

*

правляютъ свои длинныя крылья. Съ ровной земли они взлетаютъ съ трудомъ.

Въ пустынныхъ скалистыхъ горахъ всегда держатся и оживляютъ ихъ своимъ пискомъ также стѣнолазы — маленькія рыжевато сѣрыя птицы, которыя совершенно свободно и очень быстро лазятъ по стѣнкамъ скалъ и вверхъ и внизъ. Онѣ перепархиваютъ съ одной скалы на другую, отыскиваютъ въ трещинахъ

камней мелкихъ насѣкомыхъ и достаютъ ихъ оттуда своими длинными и тонкими клювами.

Только на высокихъ альпійскихъ горахъ живетъ альпійскій сурокъ. Лѣтомъ онъ поднимается въ горы до самыхъ ледниковъ, гдѣ растетъ мелкая нѣжная трава, составляющая его любимую пищу. Осенью онъ спускается ниже. Здѣсь онъ вырываетъ глубокія норы, въ которыхъ проводитъ всю дол-

Рис. 9. Алпійскіе сурки.

гуюгорнуюзиму. Зимоюсурокъ спитъ безъ просыпа и только весною просыпается, вылѣзаетъ изъ норы и снова уходитъ на алпійскія пастбища.

Горная зима по своей продолжительности походитъ на зиму крайняго сѣвера. Вотъ почему и многія животныя высокихъ горъ походятъ на сѣверныхъ. Въ горахъ, напримѣръ, живетъ горный тетеревъ и альпійскій заяцъ, которые жи-

вутъ и на крайнемъ сѣверѣ. Въ горахъ же возлѣ ледниковъ живутъ и многія другія животныя и растенія, которыя встрѣчаются еще только на крайнемъ сѣверѣ.

На опушкѣ послѣдняго сосноваго лѣса, вблизи ледниковъ, мы сдѣлали привалъ. Нависшая скала служила намъ кровомъ и защищала отъ холоднаго вѣтра съ горныхъ вершинъ. Къ вечеру сдѣлалось такъ холодно, что

пришлось кутаться въ теплое платье и пледы. Конечно, огонь костра мы поддерживали цѣлую ночь. Вокругъ него мы расположили свои постели или, по просту говоря, охапки сухихъ листьевъ. Подушками служили камни, прикрытые чѣмъ нибудь мягкимъ. Каждый изъ насъ по очереди стоялъ на часахъ и смотрѣлъ за огнемъ, другіе же въ это время спали.

Какъ только начало

свѣтать, мы уже были на ногахъ, чтобы начать нашъ подъемъ къ снѣговымъ горамъ. Утренній чай и завтракъ еще не были кончены, когда пришелъ къ намъ горецъ, который пасъ возлѣ этихъ мѣстъ свои стада овецъ и коровъ. По уговору наканунѣ онъ долженъ былъ провожать насъ по ледникамъ. Это былъ типичный дикій кавказскій горецъ, высокаго роста, сложенный, какъ настоящій ат-

летъ, вооруженный горною палкою, топоромъ, кремневою винтовкой за плечами и громаднымъ кинжаломъ за поясомъ. Онъ принесъ съ собою горшечекъ свѣжаго молока, которое было не лишней приправой къ нашему завтраку.

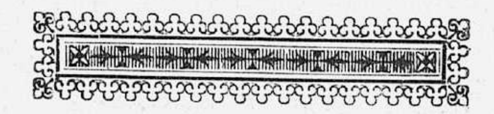
Нѣсколько минутъ еще длились сборы, приводилась въ порядокъ одежда, перемѣнялась обувь, убирались и складывались въ одно мѣсто подъ при-

смотромъ проводника наши вещи, которыя нельзя было тащить съ собою, и проч... Такъ какъ мы разсчитывали вернуться лишь вечеромъ, то каждый изъ насъ взялъ съ собою въ карманъ запасъ сухарей и сушенаго мяса для ѣды на день.

Но вотъ, наконецъ, все готово... Мы оставляемъ мѣсто своего послѣдняго привала и выходимъ изъ-подъ навѣса скалы. До ледниковъ остается еще

одинъ крутой подъемъ, еще одинъ крутой влажный и скользкій склонъ, поросшій горною мягкою травою. Одинъ за другимъ мы смѣло карабкаемся по этому склону, а навстрѣчу намъ все ближе и ближе поднимаются и растутъ гордыя вершины снѣговыхъ горъ...

ГЛАВА VI.

Снѣжныя метели въ горахъ. Ледники.

Вы уже знаете, что на высокихъ горахъ всегда идетъ снѣгъ, вмѣсто дождя, и вершины такихъ горъ и зимою и лѣтомъ покрыты снѣговымъ покровомъ. Однако снѣгъ, идущій на горахъ, не похожъ на обыкновенный снѣгъ, падающій зимою въ рав-

нинахъ. Это или мелкая крупа, или еще чаще снѣжная пыль. Отдѣльныя снѣжинки еще не спаиваются въ знакомые вамъ снѣжные хлопья. Онѣ такъ мелки и легки, что самый слабый вѣтеръ поднимаетъ и носитъ цѣлыя облака этой снѣжной пыли.

Бѣда, если такой снѣгъ съ сильнымъ вѣтромъ застигнетъ путниковъ, пробирающихся черезъ горы. Тогда въ двухъ шагахъ

ничего не бываетъ видно. Снѣжная пыль залѣпляетъ глаза. Она забирается и за воротникъ, и въ рукава, и во всѣ щели платья. Руки, лицо и все тѣло леденѣютъ. Отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра, дующаго въ горахъ съ необыкновенною силою, захватываетъ дыханіе. Въ нѣсколько секундъ снѣгомъ заносятся всѣ слѣды дороги и насыпаетъ глубокіе сугробы. Самые опытные проводники сби-

ваются тогда съ дороги и, горе путешественникамъ, если они во время не доберутся до какой нибудь хижины или шалаша. Они, навѣрное, погибнутъ въ борьбѣ съ снѣжною бурей, замерзнутъ гдѣ нибудь въ дорогѣ, и, можетъ быть, лишь долгое время спустя, будутъ найдены подъ снѣгомъ ихъ обледенѣвшія тѣла.

Горные жители хорошо знаютъ, какъ опасна снѣжная буря въ горахъ.

Они умѣютъ по облакамъ и вѣтру заранѣе, предугадывать ее и приготовляются къ ея встрѣчѣ. Никто изъ опытныхъ горцевъ, зная приближеніе бури, не рискнетъ отойти далеко отъ дома.

По дорогамъ черезъ горы, по которымъ часто проходятъ люди, ставятъ на случай снѣжныхъ бурь, которыя бываютъ въ горахъ зимою очень часто,— высокіе шесты. По нимъ все-таки можно различить

Рис. 10. Катастрофа въ ледникахъ.

*

дорогу. Кромѣ того, въ Альпахъ на высокихъ перевалахъ черезъ горы выстроены для путниковъ домики. Въ этихъ домикахъ можно переждать непогоду. Иногда возлѣ нихъ сложенъ небольшой запасъ дровъ. Путешественники, застигнутые бурей, могутъ развести костеръ и обогрѣться.

Во многихъ мѣстахъ въ глухихъ горахъ разбросаны монастыри. Люди, которыхъ неудовлетворя-

етъ окружающая жизнь, которые ищутъ утѣшенія

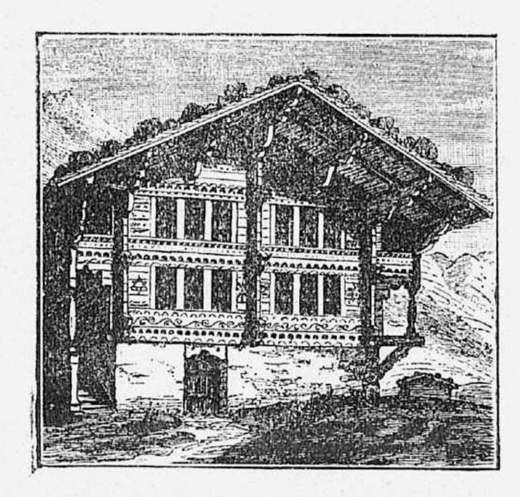

Рис. 11. Домикъ въ швейцарскихъ Альпахъ.

въ молитвѣ, любятъ уеди-

неніе. Горы, гдѣ такъ многоуединенныхъдолинъ, отрѣзанныхъ отъ всего остальнаго міра, всегда привлекали къ себѣ вниманіе такихъ людей, рѣшившихъ посвятить всю свою жизнь бесѣдѣ съ Богомъ. Здѣсь легко было выбрать удобное мѣсто для поселенія. Для этого не надо было слишкомъ далеко уходить отъ селеній и городовъ, разбросанныхъ у подошвы горъ. Такъ основывались сначала небольшія братства, давшія затѣмъ начало монастырямъ. Смутное время среднихъ вѣковъ, наполненное постоянными раздорами между мелкими областями, безконечными войнами, опустошавшими поля крестьянъ, когда никто изъ поселянъ не могъ быть покойнымъ за свое добро и даже за жизнь,—особенно содѣйствовало возникновенію монастырей въ горахъ. Въ Альпахъ эти монастыри въ настоя-

щее время, когда къ нимъ и вокругъ нихъ проложены прекрасныя дороги, потеряли свое прежнее значеніе. Но они, какъ раньше, такъ и теперь, считаютъ своею святою обязанностью оказывать помощь путешественникамъ. Каждый разъ, какъ разыгрывается снѣжная буря, и клубы снѣжной пыли окутываютъ окружающія горы, въ монастырѣ начинается благовѣстъ. Путники спѣшатъ на призывъ

колокола и всегда находятъ у монаховъ или монахинь радушный пріемъ.

Въ Сенъ-Бернардскомъ монастырѣ, не довольствуясь благовѣстомъ, издавна держатъ крупныхъ умныхъ собакъ, которыхъ выпускаютъ въ снѣжныя метели за монастырскую ограду отыскивать замерзающихъ людей. Собаки обладаютъ прекраснымъ чутьемъ и слухомъ, и лапы ихъ почти не вязнутъ въ глубокомъ снѣгу. Иногда

на шею собаки привязывают деревянную фляжку съ крѣпкимъ виномъ, а на спину теплое одѣяло. И то, и другое можетъ пригодиться выбивающемуся изъ силъ и полузамерзшему въ горахъ человѣку. Если онъ не можетъ слѣдовать самъ за нашедшей его собакой, то умное животное быстро возвращается къ монастырскимъ стѣнамъ, дергаетъ зубами за веревку, привязанную къ языку коло-

кола, и даетъ знать о своей находкѣ монахамъ. На этотъ зовъ монахи выходятъ съ фонарями и носилками и спѣшатъ за собакой, которая своимъ нетерпѣливымъ лаемъ торопитъ людей и поспѣшно ведетъ ихъ къ найденному ею погибающему путнику...

Съ крутыхъ горныхъ склоновъ снѣгъ скатывается или сносится вѣтромъ въ глубокія лощины между вершинами горъ. Здѣсь скопляется все больше и

больше снѣга, и лощина мало-помалу вся наполняется снѣгомъ и становится снѣжнымъ полемъ. Сверху снѣжное поле постоянно заносится новымъ рыхлымъ снѣгомъ, а старый снѣгъ, лежащій глубже, мало-помалу измѣняетъ свой видъ и превращается въ „фирнъ“. Фирномъ называютъ снѣгъ, состоящій изъ плотныхъ обледенѣвшихъ крупинъ. Онъ походитъ на талый весенній снѣгъ равнинъ

и легко смерзается еще больше, становясь плотнымъ льдомъ. Такимъ образомъ, на высокихъ снѣжныхъ горахъ дно глубокихъ лощинъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ крутыми склонами, покрыто толстымъ слоемъ льда. Его покрываетъ фирнъ, а сверху фирна лежитъ рыхлый снѣгъ. Отсюда берутъ свое начало „ледники“ *).

*) См. Библ. Игрушечки, 1897 г., „Вода“.

Рис. 12. Ледникъ въ Альпахъ.

Ледники можно назвать ледяными рѣками,—глубокими рѣками, въ которыхъ вмѣсто воды течетъ ледъ. Отъ сильнаго давленія льда и снѣга, лежащаго выше, ледъ ледниковъ выдавливается изъ лощинъ фирновыхъ полей черезъ ущелья въ горахъ, окружающихъ эти лощины, и медленно спускаетсяя книзу по склону. Онъ скользитъ по горѣ, не разбиваясь на отдѣльные куски, по-

тому что сверху на него надавливаетъ все новый и новый ледъ. Мѣстами, гдѣ склонъ слишкомъ крутъ, и спусканіе льда ледника становится быстрѣе, онъ трескается, ломается, но какъ только склонъ дѣлается снова отлогимъ, края трещинъ опять сходятся, смерзаются, и трещины исчезаютъ.

Ледъ таетъ труднѣе, чѣмъ снѣгъ, поэтому концы ледниковъ спускаются гораздо ниже снѣж-

наго покрова горныхъ вершинъ. Тамъ, гдѣ лѣтомъ снѣгъ уже не держится, гдѣ склоны каждую весну покрываются зеленью, ледъ ледниковъ не успѣваетъ еще стаять за лѣто. Удивительную картину представляютъ такія мѣста въ Альпахъ. Вы можете видѣть тамъ на краю ледниковъ большія селенія, конецъ ледника глубоко врѣзается бѣлою полосою въ обработанныя, ярко-зеленѣю-

щія поля поселянъ, а вода, бѣгущая по поверхности ледника, орошаетъ собою густые фруктовые сады.

Къ концу ледника ледъ все быстрѣе и быстрѣе таетъ. Здѣсь множество ручьевъ студеной воды бороздятъ его поверхность. Вода ихъ просачивается по трещинамъ вглубь ледника и изъподъ нижняго края его всегда вырывается въ видѣ нѣсколькихъ рѣчекъ. Онѣ

промываютъ на нижнемъ краю ледника во льду небольшія пещеры или гроты, ледяныя стѣны которыхъ сверкаютъ чуднымъ голубовато-зеленымъ цвѣтомъ.

Еще ниже лощина, по которой движется ледникъ, бываетъ покрыта большими камнями. Это камни, которые обрывались съ вершины горъ по бокамъ ледника, скатывались на его поверхность и вмѣстѣ со льдомъ спустились

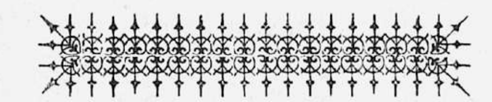
затѣмъ книзу. Гряды такихъ камней всегда обозначаютъ собою конецъ ледника. По нимъ люди узнали о томъ, что раньше ледники спускались гораздо ниже, чѣмъ теперь. Эти камни встрѣчаютъ теперь на такой малой высотѣ, до которой теперешніе ледники уже не доходятъ. Значитъ, раньше на землѣ было холоднѣе, чѣмъ въ настоящее время.

Кромѣ камней у конца

ледника, ледники остовляютъ послѣ себя много и другихъ слѣдовъ. Напримѣръ, на скалахъ, окружающихъ ледники, остаются глубокія царапины и шрамы. Ихъ протираютъ камни, которые вмерзли въ ледъ и двигаются вмѣстѣ со льдомъ книзу. Камни эти давятъ и трутся о дно и края каменнаго русла ледника со страшною силою. Вездѣ, гдѣ находятъ въ горахъ на скалахъ такія цара-

пины,—были когда нибудь ледники. Эти царапины и другіе слѣды указали на то, что раньше ледники покрывали собою не только Альпійскія горы, но и всю сѣверную Россію, гдѣ теперь ихъ совсѣмъ нѣтъ.

ГЛАВА VII.

Горныя дороги.—Переѣздъ черезъ Альпы.

Горы среди равнинъ—что острова среди моря. Съ горы на гору перебраться все равно, что съ острова на островъ переѣхать. Неудивительно, поэтому, что въ высокихъ горахъ каждая отдѣльная группа горъ составляетъ какъ бы особую страну.

Почва можетъ быть и одинакова, но общій видъ группы горъ, растенія, животныя и даже людское населеніе ея можетъ быть совершенно различно.

На Кавказѣ живетъ множество горныхъ племенъ, которыя говорятъ болѣе чѣмъ на тридцати языкахъ. Каждое племя имѣетъ свои обычаи, свои преданія; отличается отъ сосѣднихъ племенъ и языкомъ и одеждою. Эти

племена живутъ какъ будто и рядомъ, но не смѣшиваются одно съ другимъ. Жизнь каждаго изъ нихъ идетъ своимъ чередомъ, не захватывая, не интересуя и не измѣняя жизни сосѣднихъ племенъ. Причину этого составляютъ горы. Онѣ раздѣляютъ людей, какъ равнины соединяютъ ихъ. Маленькая область, занятая какимъ нибудь горнымъ племенемъ, всегда бываетъ окружена со

всѣхъ сторонъ болѣе высокими не населенными горами. Онѣ окружаютъ эту область, точно высокая неприступная стѣна. Подъ защитою такихъ стѣнъ только и могли сохраниться немногіе остатки очень древнихъ племенъ, которыя раньше, быть можетъ, заселяли гораздо большую область, но потомъ были вытѣснены другими племенами. Также и въ Альпахъ да и во всѣхъ большихъ гор-

ныхъ странахъ живутъ разбросанно, какъ бы на отдѣльныхъ островахъ, въ сторонѣ отъ всего остального міра, остатки прежнихъ народовъ.

Горы всегда служили границами, раздѣлявшими одинъ народъ, одно племя отъ другого. Каждое племя съ трудомъ измѣняетъ свои привычки и обычаи. Они передаются отъ дѣдовъ къ внукамъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію и прививаются въ

раннемъ дѣтскомъ возрастѣ. Все, къ чему мы привыкли съ дѣтства, дѣлается какъ бы частью нашего собственнаго тѣла. Чѣмъ больше человѣкъ зависитъ отъ природы, тѣмъ труднѣе измѣняются его привычки, потому что, вѣдь, эти привычки и создаются подъ вліяніемъ окружающей его природы. А въ горахъ человѣкъ гораздо больше находится во власти природы, чѣмъ въ равнинахъ. Вотъ по-

чему горные жители такъ стойко сохраняютъ свои обычаи и преданія, и вотъ почему въ горныхъ странахъ древній характеръ племени сохраняется полнѣе и чище, чѣмъ въ равнинахъ. На Кавказѣ я видѣлъ евреевъ, которые поселились въ глухихъ горахъ вмѣстѣ съ горцами и которые сами подъ вліяніемъ горъ превратились въ горцевъ.

Долгое время горы служили большимъ препят-

ствіемъ для сношенія между народами. Дорогами черезъ горы служили тропинки, которыя взбирались на гребни горъ, на такую высоту, гдѣ большую часть года лежитъ глубокій снѣгъ. Переходить горы было опасно и не всегда возможно. Однако, мало-помалу люди побѣдили горы и провели черезъ нихъ хорошія дороги. Сооруженіе дорогъ черезъ горы стоитъ большого труда и

потому очень дорого, но люди не жалѣютъ ни силъ, ни средствъ для сообщенія между собою. За хорошими шоссейными дорогами скоро появились въ горахъ и желѣзныя дороги. Проведеніе ихъ, конечно, еще труднѣе, но и выгоды отъ нихъ больше. При этомъ приходится сооружать дорогу не только по склонамъ горъ, но мѣстами и внутри самой горы, приходится прорывать внутри горъ

какъ бы норы—длинные коридоры, называемые туннелями. Одинъ конецъ туннеля выходитъ на одну сторону горы, другой—на другую.

Особенно много пришлось потрудиться при проведенiи первой большой дороги черезъ Альпы, Сенъ - Готтардской желѣзной дороги, когда люди были еще мало опытны въ проведенiи такихъ дорогъ. Сенъ-Готтардская желѣзная дорога одна

изъ самыхъ красивыхъ горныхъ дорогъ въ мiрѣ. Изъ оконъ вагоновъ на ту и другую сторону безпрерывно открываются замѣчательные и все новые виды, отъ которыхъ не можетъ оторваться глазъ. Горныя ущелья, живописныя глубокiя долины, панорамы ледниковъ и снѣжныхъ вершинъ, альпiйскiя деревушки, обрывистыя скалы и пропасти, дебри каменистыхъ горъ, водопады и бушую-

щія рѣки съ смѣло висящими надъ ними мостами мелькаютъ передъ глазами.

Послѣдній разъ, когда я проѣзжалъ по Сенъ-Готтардской желѣзной дорогѣ, я сидѣлъ въ вагонѣ - столовой съ очень большими, почти въ ростъ человѣка, зеркальными окнами, такъ что, не вставая съ мѣста, могъ любоваться видами на обѣ стороны. Пройдя черезъ Виндгелленскій туннель

къ югу отъ одного изъ самыхъ красивыхъ альпійскихъ озеръ, нашъ поѣздъ сталъ подниматься, дѣлая большіе изгибы, къ мосту черезъ рѣку Рейсъ. Этотъ величественный мостъ возлѣ Инча перекинутъ черезъ пропасть на высотѣ 40 саженъ надъ бушующимъ Рейсомъ. Отсюда дорога идетъ черезъ самыя дикія мѣста. Поѣздъ кружится въ горахъ, взбираясь все выше и выше, пока не

доѣдетъ до селенія Гёшенепъ. Онъ проходитъ по пути черезъ цѣлый рядъ туннелей; одинъ изъ туннелей возлѣ Гёшенепа идетъ спиралью. Поѣздъ внутри горы дѣлаетъ полный кругъ для того, чтобы выйти изъ горы съ той же стороны только на восемнадцатъ саженъ выше входа въ туннель. Взбираясь все выше и выше въ горы, то уходя въ тунели, то снова выходя изъ нихъ, поѣздъ

перебѣгаетъ взадъ и впередъ черезъ дикое ущелье рѣки Майенрейсъ по тремъ мостамъ, висящимъ одинъ надъ другимъ.

Вотъ, наконецъ, и Гёшенепъ... Раньше, до проведенія дороги, это была маленькая горная деревушка, а теперь сюда каждый годъ съѣзжаются путешественники со всѣхъ концовъ дороги, чтобы любоваться видомъ Сенъ-Готтарда. Прежняя деревня оживалась, раз-

рослась и превратилась въ маленькій городокъ, живущій путешественниками. Главный доходъ жителей — гостиницы и комнаты для пріѣзжающихъ, рестораны и т. д. Въ Швейцаріи есть много мѣстъ, которыя такимъ же образомъ живутъ на счетъ путешественниковъ. Въ каждой деревнѣ или городкѣ, которые привлекаютъ къ себѣ народъ или своимъ красивымъ положеніемъ, или своимъ

здоровымъ климатомъ, возникаетъ такой „оттельный“ промыселъ.

Въ Гешенепѣ — станція. Поѣздъ стоитъ нѣсколько минутъ въ чрезвычайно дикой мѣстности. Со всѣхъ сторонъ поднимаются суровыя горы, онѣ запираютъ путь и спереди, и сзади, и съ боковъ. Глядя на нихъ, удивляешься, какимъ образомъ могла пройти въ эти тѣснины желѣзная дорога. Ни входа, ни выхода отсюда не

видно. Въ воздухѣ вѣетъ свѣжестью, потому что Гёшененъ лежитъ очень высоко. Чувствуется близость снѣговыхъ горъ. Ѣдущіе толпятся на платформѣ и послѣдній разъ любуются видомъ на сѣверные Альпы...

Еще двѣ—три минуты, и всѣ спѣшатъ снова въ вагонъ. Поѣздъ трогается и черезъ нѣсколько секундъ вбѣгаетъ въ знаменитый Сенъ-Готтардскій туннель, самый боль-

шой изъ альпійскихъ туннелей. Полчаса поѣздъ бѣжитъ по этому туннелю, полчаса въ окна смотритъ мракъ подземной галлереи. Полчаса длится томительное ожиданіе. Разговоръ между ѣдущими не вяжется, и мало-помалу въ вагонѣ водворяется молчаніе, нарушаемое лишь рѣзкимъ однообразнымъ грохотомъ и шумомъ колесъ, отражаемымъ съ особенною силою сводомъ и стѣнами

туннеля. Но вотъ въ окнахъ забрезжилъ дневной свѣтъ. Двѣ—три секунды, и поѣздъ выбѣгаетъ изъ туннеля на южные склоны Альпъ. Быстро раскрываются всѣ окна. Въ нихъ глядитъ теперь синее небо прелестной долины Айроло... Айроло—станція у самаго выхода изъ туннеля... „Айроло! Айроло!..“—выкрикиваютъ кондуктора, обѣгая вагоны и шумно распахивая двери купэ. Ва-

гоны сразу наполняются людскимъ говоромъ. Итальянскій, французскій, нѣмецкій и англійскій говоръ путешественниковъ сливается въ одинъ нестройный гулъ, и всѣ спѣшатъ выйти изъ вагоновъ. Всѣ спѣшатъ подышать полною грудью ароматичнымъ и теплымъ южнымъ воздухомъ...

Сѣверъ остался сзади, впереди — благодатный югъ. Въ полчаса, какъ по волшебству, все во-

кругъ рѣзко измѣнилось. Здѣсь и небо, и виды, и селенія, и самые жители въ своихъ итальянскихъ костюмахъ — однимъ словомъ—все иное, чѣмъ было полчаса тому назадъ. Чувствуется, что въ полчаса поѣздъ перенесъ ѣдущихъ въ совершенно другую страну...

Отъ Айроло поѣздъ, кружась, быстро спускается книзу. Около Айроло тянетъ еще прохладою со снѣжныхъ горъ, вокругъ

толпятся еще утесистыя горы. Ниже, въ долинѣ Квинто, поѣздъ бѣжитъ по роскошнымъ полямъ. Еще ниже—начинается виноградъ, каштаны и лавровыя деревья. Наконецъ, минуя долину Джіорнино, поѣздъ оставляетъ Альпы, оставляетъ послѣднія голубыя озера у южной подошвы ихъ и переноситъ путешественниковъ въ долину Ломбардіи. Ломбардія—полный контрастъ съ только

что оставленными горами. Здѣсь все окружающее чаруетъ и нѣжитъ взоръ. На всемъ лежитъ отпечатокъ мягкаго климата и яркаго неба прибрежныхъ странъ Средиземнаго моря.

Горы пройдены—и уже чуется освѣжающее дыханіе широкаго моря. Къ морю! къ морю! къ его необъятному голубому простору! туда,—гдѣ такъ много еще таинственнаго,

неизвѣстнаго, постоянно влекущаго къ себѣ всѣхъ любящихъ природу.

Содержаніе XVII тома.